

В. А. Пучков

Генеалогия современной биографической прозы: от мифологического сказания о героях к биографическому дискурсу

В статье рассматриваются пути развития одного из магистральных течений современной художественно-публицистической прозы. Сегодняшний литературный процесс, характеризуемый прежде всего антипостмодернистскими настроениями, заново активизировал так называемый биографический метод как своеобразную авторскую установку и, как выясняется, первейший творческий инструмент. Переживающая ныне своего рода культурный ренессанс биографическая проза становится оригинальным и, пожалуй, пока единственным способом авторской самоидентификации.

Ключевые слова: биографическая проза, биография, автобиография, мемуары, биографический дискурс.

V. A. Puchkov

Genealogy of Modern Biographical Prose: from Heroic Myths to Biographical Discourse

The article deals with the development of one of the main currents of a contemporary prose. Today's literary process, which is characterized by antipostmodernism trends, re-activated so-called biographical method. Now perhaps biographical prose becomes still the only way of the author self-identification.

Keywords: biographical prose, biography, autobiography, memoir, biographical discourse.

Говорить о том, что вопрос о биографической прозе в литературоведении мало изучен, не приходится. В свое время эту проблему освещали крупнейшие отечественные и западные ученые, среди которых особо стоит выделить М. Бахтина, В. Жирмунского, Б. Томашевского, Б. Дубина, Ф. Лежена, Б. Вальденфельс и др. Тем не менее, даже несмотря на успешно диагностированную постмодернизмом вообще и Р. Бартом в частности «смерть автора» [10, с. 233–236], с полной уверенностью утверждать несостоятельность «биографичности» как порождающего культурологического феномена, постоянно стремящегося к универсальности, нельзя. В общем-то, об этом же говорит и история становления «биографического жанра», представляющая собой некое постепенное развертывание интегративных свойств архивации (обще)человеческого опыта.

Возникновение первых, достаточно разрозненных, форм биографической прозы стоит относить ко времени разложения мифологического сознания и постепенного его вытеснения письменной культурой (примерно III век до н. э.). В основе этих форм, согласно М. Бахтину, лежит «совершенно новый тип биографического времени и новый специфически построенный образ человека, проходящего свой жизненный путь» [2, с. 395]. Специфика заключалась в культивирова-

нии этими формами важнейшей литературной категории *становящегося характера*. Справедливо, что этот характер пока еще в общем и целом задан (произведение по сути превращается в некое перечисление тех или иных качеств героя – например, автобиография Исократ), он «овнешнен» [2, с. 397], публичен, будучи целиком и полностью связанным с родом и государством. И сама форма представления этого характера, в свою очередь, также публична. Как правило, это надгробные или торжественные речи, так называемые «энкомии» и проч. Личность героя все еще связана с мифологическими сказаниями. Примечательно, что именно в это время мифы записываются (например, «Метаморфозы» Овидия). Персонаж биографической прозы восходит к героям сказаний. «Мифологическим» остается также и время, которое пока не протяженно и не исторично (ср. например, время в платоновской «Апологии Сократа»).

На стыке этих традиций вырисовываются две основные черты «биографического канона»:

1. «*Эмблематичность*» героя. Герой всегда действует как представитель рода и государства, он всегда носитель некоей добродетели, ее воплощение.

2. *Установка на объективность*, принципиальная нефикциональность (от англ. fiction – невыдуманность) повествования.

В дальнейшем все эти черты окажут безусловное влияние на становление европейского романа, а сами античные биографии с их образом «овнешненного» человека не раз будут актуализированы в самые разные эпохи.

С начала XII в. «биографический канон» встраивается в историческую форму романа (например, романы об Александре Македонском) и с этого момента становится его неотъемлемой частью.

По сути, в дальнейшем все формы биографической прозы становятся романскими формами, которые активизируются на тех или иных этапах исторического развития. Верно и обратное: именно биография становится отправной точкой авторских построений (ср. названия первых романов – «Жизнь Лосарильо с Тормеса, его невзгоды и злключения», «История жизни проидохи по имени дон Паблос», «Злополучный скиталец, или Жизнь Джека Уилтона», «Повесть о Фроле Скобееве» и др.), а сам биографический жанр – неким промежуточным звеном между художественной и документальной литературой, сохраняя стремление к объективности и в то же время являясь субъективно-авторским произведением.

Примером такого зачаточного синтеза выступает промежуточный жанр жития, который, с одной стороны, не совсем литература, но в тот же самый момент и не совсем историческое свидетельство. Для нас этот момент важен, ибо житие по своей сути – некий «подсознательный» пласт всей формально-содержательной структуры отечественной письменной культуры. Агиографические произведения распространились на территории Руси в начале I тысячелетия вместе с приходом христианства из Византии и были очень популярны, став одним из самых разработанных жанров древнерусской литературы. По справедливому наблюдению ряда советских литературоведов (прежде всего, В. Е. Гусева и М. О. Скрипиля), традиционное содержание, вкладываемое в понятие «житие», уже на этапах своего зарождения как самостоятельной литературной формы предстает как нечто размытое и неопределенное, объединяющее в себе множество разнообразных и непохожих друг на друга жанров – от бытовых повестей до плутовского романа [5; 9]. Определяющим, или родовым, признаком всех этих видов повествования, дающим основания для по-

добного объединения, становится магистральная тема – «рассказ о частной жизни, о счастье и трагедии рядового человека» [9, с. 59]. Востребованность данной темы в итоге актуализировала в культуре особую, «биографическую» (или, по выражению И. Фраймана, «мемуарную» [10, с. 99]) функцию, суть которой состоит в следующем:

а) удовлетворение потребности в индивидуализированной и достоверной исторической информации;

б) выдвижение неких закодированных в культуре идеальных социальных образцов, героев времени;

в) и в то же время, преодоление давления «общего» (как правило, государственно-религиозного) над частным, индивидуальным, нетипичным.

Произошедшие в России и Европе культурные сдвиги середины XVII – начала XVIII в. обусловили актуализацию категории авторской личности, создав тем самым почву для возникновения первого русского романа – «Жития протопopa Аввакума» [5, с. 15].

Являясь автобиографическим, это произведение в общем-то определило путь всей русской художественной, да и не только художественной прозы, где биография становится абсолютной парадигмой литературного миротворения, сводящегося в итоге к поиску наиболее адекватной формы отражения жизни личности. В этом смысле, любое произведение само по себе биографично, причем биографично, с одной стороны, как некая репрезентация некоего жизненного пути/коллизии/случая («биография» – с греч. «записанная жизнь»), и, с другой стороны, как факт биографии («самопознания» или «самоконструирования», по выражению Б. Дубина [6, с. 209]) конкретного автора. Конечно, обе эти модели функционирования находятся в постоянном взаимодействии. Степень этого взаимодействия и дифференцирует художественные формы на собственно художественные и нехудожественные, говоря по-современному, на fiction и non-fiction. Это деление, закрепленное в науке, тем не менее, неоднократно пересматривалось. Так, О. Э. Мандельштам связывал роман и биографию (как документ) [7, с. 72–76]. На единство мемуаров документальной (или реальной) биографии и психологической прозы указывала Л. Я. Гинзбург [3, с. 12], а Лев Лосев прямо писал: «Нам кажется, что в основном мемуары суть разновидность одного из жанров художественной прозы, а именно

романа. Любое мемуарное произведение – это роман, в котором в качестве материала использованы не фиктивные, а реальные события. Разновидности мемуаров легко различимы по тем же структурным принципам, что и разновидности романов: мемуары монологические (в основе – судьба, карьера героя-автора, развитие его отношений с миром <...>), мемуары полифонические (в основе – многие образы-голоса: 2 и 3 тома «Былого и дум», «Люди. Годы. Жизнь» Эренбурга), мемуары эпические (в основе – ход времени, портрет эпохи: 1 том «Былого и дум», отчасти «на рубеже двух столетий» Белого), мемуары орнаментальные, «с установкой на выражение», пользуясь формалистским жаргоном (Паустовский, Катаев)» [10, с. 103]. Собственно упомянутые формалисты (Эйхенбаум, Шкловский) первыми обозначили относительность «любого словесного оформления», потому что слово само по себе – это результат субъективной интерпретации, которая может не совсем и даже совсем не соотноситься с действительностью. И именно поэтому у нас нет и не может быть критерия для дифференцирования художественной формы, скажем, таких произведений, как «Былое и дум» Герцена (тяготеющих к pop-fiction) и трилогии «Детство. Отрочество. Юность» Толстого (традиционно причисляемого к fiction), или тыняновскими романами «Кюхля», «Пушкин», «Смерть Вазир-Мухтара» и булгаковской «Жизнью господина де Мольера». В основе их всех лежит «биографический жанр» (или правильнее будет говорить – «квазижанр»). По мнению Дубина, «биография – жанр “реставраторского” периода, следующего за собственно переломом. Это период постепенной рутинизации “революционного” импульса, нормализации существования, когда закрепляются победы, подводятся баланс достижений и утрат, устанавливаются обновленные рамки коллективного существования» [6, с. 239]. Это верно и подтверждается практикой: великие потрясения XX столетия привели к увяданию биографии как важной социально-культурной формы (не без участия постмодернистской этики с ее концептами «ризомы», «смерти автора» и «всевластности текста»), с одной стороны, и к новому рождению «биографизма» (или «биографического дискурса») в перестроечные годы – с другой. Анализируя этот казус, украинский филолог И. В. Голубович пишет: «В центре <литературного произведения> оказывается “жизненный мир”, мир повседневности, “ситуация человека”. И это не просто обнаружение

проблематики, ранее казавшейся маргинальной и периферийной. Это – обретение специфического видения мира, из первопорядковости моего «я», в полноте его непосредственных жизненных связей, уникального личного биографического опыта» [4, с. 41]. Иными словами, современный человек, помещенный в ситуацию «диктата текста», «постоянного говорения», вдруг осознает вторичность всего вновь созданного. Тексты, специально формализованные для быстроты перемещения в глобальных информационных потоках, строятся по готовым, заданным лекалам, искусство, оказавшееся в плену между рынком и новыми технологиями, запирается в узкие рамки жанровости с присущей ей «зрелищностью», «массовостью» и постоянной «воспроизводимостью». Культура в глазах отдельной личности становится еще одним каналом информации, потоком текстов определенного свойства. Именно это последнее и ложится в основу порождающей модели индивидуального авторского творчества. И главное следствие в подобной ситуации – очередной виток расцвета «биографизма».

Проблема заключается в следующем: современная литература, находясь в рамках означенных культурно-бытовых реалий, становится трудноотделимой от постмодернистских явлений, и – в таком случае – если творчество – это лишь постоянное цитирование, если все уже выдуманно и является лишь повторением когда-то сказанного, то что-то в таком случае должно быть первичным. Не находя твердой подлинной основы для своего мироощущения «вовне», автор (или, что в данном случае не принципиально, в постмодернистской традиции – скриптор) все больше углубляется «в себя», зачастую возводя личный опыт в принцип. Далеко не всегда, но часто, этот посыл становится автобиографическим произведением (например, «Санька» З. Прилепина, «Я сижу на берегу...» Р. Гальего, «Книга воды» Э. Лимонова и много других), нередко субъективные переживания проецируются на отдельную историческую личность (например, биографии «Пастернак» и «Окуджава» Дм. Быкова, роман «Журавли и карлики» Л. Юзефовича, «Человек с яйцом» Л. Данилкина и т. п.). Еще одна важная тенденция времени – стремление к устранению художественности с целью придать произведению как можно больше правдоподобия, сблизив его с ускользающей в потоке текстов реальностью. Характерно здесь и появление особого литературного метода, идущего «от противного» и своеобразно пародирующе-

го биографический способ организации художественного текста. Речь идет о так называемой «трэш»-литературе (от англ. trash – барахло, мусор), базирующейся на принципе «stranger-than-fiction» (букв. с англ. – больше, чем вымысел), отрицающего любое правдоподобие, намеренно иронически освещающего жизнь и зачастую представляющего собой нагромождение искусственно увязанных между собой эпизодов. Тем не менее, и им не чужд «биографизм». Например, сборник рассказов «Госпиталь» или роман «Библиотекарь» М. Елизарова, роман «Одинокая самка шакала» Олега Сулькина, повесть «Маркшейдер» Дм. Савочкина и др.

Современная литература, окончательно свыкшись с новой ролью отдельного канала массовой информации, встала на рельсы культивирования non-fiction'a и прикладных словесных форм. Здесь все больше публицистики и меньше художественности. Авторская (и неавторская) реальная жизнь все чаще настолько вращается в текст, что отделение одного от другого становится попросту невозможным. Скажем, определить, где граница между вымыслом и реальными фактами в романах Лимонова, насколько адекватна действительности биография Бориса Пастернака в изображении Дм. Быкова, полностью ли автобиографичен роман С. Буркина «До свидания, Сима», достоверно нельзя. В итоге, словесность по факту оборачивается «биографическим дискурсом». Переживающая ныне своего рода культурный ренессанс биографическая проза становится своеобразным и, пожалуй, пока единственным способом авторской самоидентификации.

Библиографический список

1. Барт, Р. Смерть автора [Текст] / Р. Барт // Барт Р. Избранные труды. Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М. М. Бахтин, Эстетика словесного творчества. – М., 1976.
3. Гинзбург, Л. Я. О Психологической прозе [Текст] / Л. Я. Гинзбург. – М., 1979.
4. Голубович, И. В. Биография как социокультурный феномен: методология анализа в гуманитарном знании [Текст] // Интегративна Антропология. Міжнародний : медико-філософський журнал. – 2009. – № 1 (13).
5. Гусев, В. Е. О жанре Жития протопопа Аввакума [Текст] / В. Е. Гусев // Труды отдела древнерусской литературы. Том XV. – М.; Л., 1958.
6. Дубин, Б. В. Обращенный взгляд [Текст] / Б. В. Дубин // Дубин Б. В. Слово – письмо – литература: очерки по социологии современной культуры. – М., 2001.
7. Мандельштам, О. Э. Конец романа [Текст] / О. Э. Мандельштам // Мандельштам О. Э. Слово и культура : статьи. – М., 1987.
8. Паперно, И. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель [Текст] / И Паперно // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 4 (68).
9. Скрипиль, М. О. Проблема изучения древнерусской повести [Текст] / М. О. Скрипиль // История отечественного литературного языка. Том VII. – М., 1948.
10. Фрайман, И. Д. Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы [Текст] / И. Д. Фрайман // «Цепь непрерывного predания...» : сборник памяти А. Г. Тартаковского. – М., 2004.